

Тбилиси, 1962, 19.VII.

НЕОЖИДАННОСТЬ ИСКУССТВА

ПОСЛЕ этого спектакля сразу же захотелось перечитать Еврипида. Что случилось, как смогла Верико Анджапаридзе сыграть Медею так, что страшное деяние этой женщины — убийство собственных детей — воспринимается не как ужасное, чудовищное злодеяние, а как трагический шаг, вызванный неотвратимыми обстоятельствами? Ослепляющая ревность — вот тот мотив, который первым вспоминается при имени Медеи. Еврипид так и говорит: ревность, разве это так мало для женщины? Но, кроме этого, лежащего, так сказать, на поверхности и житейски наиболее удобопонятного объяснения, в драме существует множество других причин, может быть, и не столько очевидных, но для В. Анджапаридзе и А. Чхатишвили — постановщика «Медеи» в Тбилисском театре им. Марджанишвили — главных и определяющих.

Конечно, ревность, но рядом с ней — обманутое доверие, рядом с ней — пограничная гордость, рядом с ней — полное одиночество на чужбине. Эта тема — тема человека, разлученного с родной и теперь, в горький час, осознавшего весь груз своей потери, — очень явственно звучит у актрисы и придает

ее Медее те черты неожиданности, которые так дороги в искусстве.

Казалось бы, грузинский театр, признанная трагедийная актриса, роль, требующая от исполнителя открытого, бурного темперамента, и вдруг — не столько яростная, сколько мрачная фигура, не столько неистовые вопли отчаяния, сколько загнанное внутрь себя, испепеляющее пламя. Оно потом, на одно страшное мгновение, вырвется наружу, а пока бушует изнутри, накаляя и без того накаленную атмосферу.

Трагедию в этот спектакль вносят не столько обстоятельства, хотя сами по себе они более чем драматичны; трагедия рождается от мироощущения Медеи. Все то, в чем, не таясь, исповедуется она теперь перед хором, — все это давняя боль, давние мысли, давние сомнения. Предательство Ясона лишь вызвало их наружу, а так, внутренне, Медея давно уже была готова к тому, что гармония и целостность жизни могут быть враз нарушены. Именно это горькое сознание дает ей силы, вооружает и закаляет ее. Но оно же вместе с тем самым предательским образом оборачивается против героини.

Однако об этом — немного спустя. Сейчас — несколько слов о спектакле, о современном звучании работы марджановцев. Это достигается отнюдь не внешними средствами — осовременивания здесь нет и в помине, — но внутренним настроением постановки. Внешне же все соотносится с античностью, во всяком случае не противоречит нашим сегодняшним о ней представлениям. Удивительно слитен хор коринфянок, красивый и пластичный. Его движения — точно размеченные и графически четкие — вместе с тем полны изящества и смысла. Все эти женщины — блеском, молодостью, сверканием — контраст Медеи, у которой одной страдания принимают грубую, неэстетическую, как и подбавляет ей, варварке, форму. Сцена почти не оформлена — нет даже портика дома, где совершается убийство. Но зато, когда вы приходите в театр, на подмостках его возвышается серый, из грубых больших камней постамент. На нем два слова: Еврипид, Медея. Это памятник трагике и трагедии. Но вместе с тем это плита, которая опускается к ногам героини, когда она, вся в черном, появляется из-за кулис.

Но строгость и условность решения не воспринимаются как самоцель. Они не кричат о себе — они лишь активный фон, на котором разворачивается действие. Фон этот не стараются сделать похожим на наш, сегодняшний. Еврипид все-таки есть Еврипид, и оттого внутренне современнейший характер представления вырисовывается особенно отчетливо. Речь, конечно, не о прямых аналогиях, но дисгармоничность, ощущение несоответствия между естественным представлением человека о правде, счастье, справедливости и тем, что подается под их видом, — чтобы понять эту мысль спектакля, не нужно переводчика.

Он не нужен и для того, чтобы мы в полной мере смогли ощутить трагическую вину героини. Приняв и в силу характера доведя до абсолюта законы того общества, от которого сама терпит, Медея сама готовит себе нравственную гибель. Мы верим, что героиня В. Ан-

джапаридзе убивает сыновей не из ревности. Она боится, что враги поступят с ними так же, как она сама поступила с царем Креоном и его дочерью. Но преступление рождает преступление, — таков итог, каковы бы ни были побудительные мотивы. И потому не торжествующей, упоенной мстостью выходит Медея из страшного чертога. Она спокойна, но это спокойствие отчаяния; она холодна, но это холод смерти, которая коснулась не только ее сыновей, но и ее самоё.

Катарсис (очищение) — неперенный спутник античной трагедии — присутствует и здесь, хотя в несколько неожиданном повороте. Поверив в правоту неправды, Медея совершает самое страшное, что может совершить человек, и только тогда, наконец, осознает истинную цену вещам. Во всяком случае в это веришь, глядя на В. Анджапаридзе...

Казалось, что после «Медеи» нельзя было ждать от театра им. Марджанишвили, который гастролирует сейчас в Москве, столь же сильных впечатлений. И вправду — таких не было, хотя была радость от встречи с другими интересными, одаренными исполнителями. Почти все актеры — С. Такашвили, М. Джапаридзе, А. Жоржолани, Г. Костава, П. Кобахидзе, Е. Кипшидзе были знакомы нам по прежним работам. Но одно имя прозвучало впервые. Софья Чиаурели сыграла Хару в драме Н. Перьялиса «Девочка с ленточкой», и исполнение этой роли позволило говорить о рождении нового и большого дарования. Хотелось, чтобы это была не случайность, — ведь искусство живо в первую очередь талантом своих создателей.

Н. ЛОРДКИПАНИДЗЕ.

Сцена из спектакля «Медея».

Фото Ю. Зенковича.